Современный социально-экономический этос Русской Православной Церкви: перспективы и границы толерантности*

Павел Браславский

pb@kansas.ru

Богатые и бедные, религия и экономика (введение)

Новейшая история капитализма в России ведет свой отсчет с января 1992 года. За эти двенадцать лет социально-экономическая ситуация в стране поменялась кардинально. Для большинства россиян это были тяжелые годы. Экономические реформы шли в обстановке «идеологического вакуума», отсутствия внятно сформулированной и разделяемой большинством «этической программы». Именно в экономической сфере постсоветской России особенно ярко проявились такие неприглядные стороны человеческой природы, как зависть, обман, рвачество, нахальство, временщичество, эгоизм. В результате экономических реформ произошло перераспределение богатств и возникла новая социально-экономическая иерархия; миллионы людей оказалась за чертой бедности, в то время как относительно небольшая группа сосредоточила в своих руках значительную часть материальных ресурсов страны.

Методы определения уровня бедности и соответствующие результаты существенно разнятся. Официально малоимущими (следовательно – имеющими право претендовать на социальную помощь) в России считаются те, чей душевой доход ниже официального прожиточного минимума. По оценке Госкомстата РФ средняя величина прожиточного минимума в III квартале 2003 года составила 2121 рублей, а число малоимущих – 21,9% от общего населения страны, или 31,2 млн. человек.[1] По результатам опроса фонда «Общественное мнение» (ФОМ), проведенного летом 2003 года, доля людей с доходом до 2000 рублей на одного члена семьи составляет 67% (регионы России без Москвы). Примерно столько же – 68% – сами относят себя к тем, у кого «мало денег».[2] По результатам исследования ВЦИОМ-А (3 квартал 2002 года), доля населения, имеющего текущие денежные доходы ниже их собственных оценок уровня бедности (т.е. субъективная самооценка благосостояния), составляет примерно 40%.[3]

Прямые исследования количества богатых людей затруднены. Кого считать богатым, где проходит грань между обеспеченностью и богатством? В качестве косвенного показателя можно привести такие данные: в 2003 году только через официальную дилерскую сеть в России было продано 3774 автомобиля BMW[4], 3205 – Mercedes[5] и 1397 – Lexus[6]. Это относительно скромные показатели[7], однако в сочетании с приведенными выше данными они говорят о наличии имущественного расслоения.

Безусловно, имущественное расслоение – не только экономическая проблема. Это вопрос гражданского мира, общественного согласия, социальной ответственности государства. В условиях переходной экономики проблема толерантных отношений между богатыми и бедными, представителями различных профессиональных и социальных групп стоит особенно остро.

---

* Работа выполнена в рамках проекта «Христианская традиция толерантности в социально-экономических отношениях: Россия и Запад. Сравнительный анализ и основные тенденции развития» (руководитель Т. Б. Коваль). Поддержка данного проекта была осуществлена АНО ИНО-Центр в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

На протяжении своей долгой истории Русская Православная Церковь (РПЦ) смягчала и сглаживала общественные противоречия, предоставляя основу для духовного единения нации. Особенно возрастала роль Церкви во времена испытаний. Сегодня многие именно с православием связывают надежды на выработку и оформление программы нравственного возрождения страны.[8] Более того, можно сказать, что РПЦ получила «государственный заказ» на разработку национальной идеологии.

Целью настоящего исследования является анализ современного социально-экономического этоса РПЦ. Ключевая проблема, которой посвящено наше исследование – анализ отношения РПЦ к имущественному расслоению, богатству и бедности, труду и собственности в рамках концепции толерантности. Кроме того, мы сделаем предположения о перспективах влияния РПЦ на общественную и экономическую ситуацию в стране.

Вопросы христианской экономической этики в последнее время получают все более глубокое освещение в научной литературе. Проблемы трудовой и хозяйственной этики РПЦ стали темой работ Н. Зарубиной, Т. Коваль, К. Костюка. Важным этапом в разработке обозначенного круга проблем стала интернет-конференция «Христианские начала экономической этики», которая прошла в октябре 2000 года. На конференцию поступило 55 докладов и сообщений, число зарегистрированных участников составило 156. Одним из стимулов для проведения конференции стало принятие в 2000 году Юбилейным Архиерейским Собором «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви». Значительная часть этого документа посвящена современным социально-экономическим проблемам России. В 2002 году под руководством РПЦ прошел VII Всемирный Русский Народный Собор, основная тема которого звучала так: «Вера и труд: духовно-культурные традиции и экономическое будущее России». В 2004 году на итоговом пленарном заседании очередного Собора был принят «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании». Такое пристальное внимание РПЦ к социально-экономической тематике симптоматично и заслуживает специального изучения.

Основным материалом для нашего исследования послужили официальные документы РПЦ, а также тексты и высказывания служителей Церкви разного уровня.[9] Легко заметить, что основным идеологом РПЦ по социально-экономическим вопросам, инициатором появления и автором соответствующих документов является митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев), председатель Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) Московского Патриархата.[10]

В качестве дополнительного источника мы использовали христианские интернет-форумы, которые, хотя и не заменяют социологических опросов, дают некоторое представление о спектре мнений верующих.

Можно выделить несколько уровней взаимодействия экономики и религиозного этоса. Исходным, принципиальным вопросом является следующий: «Как богатство и бедность связаны со спасением?» Второй «слой» – это экономическая практика: насколько религия регламентирует индивидуальный труд, хозяйственную деятельность на микро- и макроуровне, какие виды деятельности считаются предпочтительными или – наоборот – нежелательными? Сама РПЦ является достаточно крупным хозяйственным и экономическим субъектом. Таким образом, возникает уровень рефлексии: какую оценку получает экономическая деятельность Церкови изнутри? Кроме того, важен вопрос о направленности взаимосвязей между экономикой и религией.

Систематическое исследование этих вопосов мы находим в трудах Макса Вебера. Он, в частности, предложил рассматривать протестантскую доктрину спасения как фактор формирования специфического экономического сознания и практики европейского капитализма.[11] По Веберу, капитализм был в каком-то смысле «побочным продуктом» религиозного учения:

> ...Кальвин и основатели пуританских сект (Менно, Фокс, Уэсли) не ставили целью пробуждение «капиталистического духа». Им были чужды не только капиталистические интересы, но и чисто этические программы. Исходным пунктом было спасение души. Этические цели и практические результаты их учения всецело коренились в этом исходном пункте и были лишь следствием чисто религиозных мотивов.[12]

Новая религизная доктрина ослабила церковь как самостоятельный институт (по меткому выражению К. Маркса, Лютер «превратил попов в мирян, превратив мирян в попов»), но существенно повлияла на экономическую практику.

Вебер указывал также на возможность «параллельного» существования экономической практики и религиозной этики. Примеры безудержной алчности, жажды накопительства и даже рационализации получения прибыли можно найти в самых разных культурах, в разных исторических ситуациях. При этом «недостойные стремления» обычно порицались, однако в конечном итоге уживались со строгими правилами. [13]

Взгляды Вебера во многом формировалось в полемике с материалистическими воззрениями. Классики марксизма утверждали примат материальной сферы:

> …изменения, происходящие в этом [религиозном] запасе представлений, определяются классовыми, следовательно, экономическими отношениями людей, делающими эти изменения.[14]

Поэтому появление того же протестантизма можно объяснить и материальными причинами: «Вкус к зажиточности, тяга к трудовому стяжанию собственности стали реальными факторами общественной жизни. ...новое жизневоззрение ...должно было получить религиозную легитимацию. Эту задачу выполнил протестантизм.»[15]

Таким образом, мы должны определить принципиальное отношение РПЦ к богатству и бедности, вытекающие из этого практические импульсы к действию, степень взаимопроникновения экономических и моральных вопросов в позиции РПЦ, направления возможных влияний («по Марксу» или «по Веберу»); а также степень рефлексии (насколько социально-экономический этос РПЦ применим к ней самой).

Концепция толерантности: возможности и границы применимости к проблеме

В рамках нашего исследовательского проекта мы предприняли попытку рассмотреть христианский социально-экономический этос, проблему отношения Церкви к имущественному расслоению, богатым и бедным с использованием концепции толерантности. Помимо новизны, такой подход вносит дополнительные нюансы при рассмотрении проблемы на современном материале.

Под толерантностью традиционно понимают специфическое отношение к идейным, религиозным, расовым отличиям. Так, известный специалист по проблемам толерантности Сьюзан Мендус отмечает, что «в современном обществе проблемы толерантности возникают наиболее часто и наиболее очевидно в связи с расовыми, религиозными и сексуальными проблемами»[16]. Толерантность – важная составляющая либеральной доктрины. Отцом толерантности часто называют Джона Локка.[17] В своем «Послании о веротерпимости» Локк четко и недвусмысленно разделяет «вопросы государственные и религиозные»:

> Государство... это сообщество людей, установленное единственно для сохранения и преумножения гражданских благ. Гражданскими благами я называю жизнь, свободу, телесное здоровье и отсутствие физических страданий, владение внешними вещами, такими, как земля, деньги, утварь и т.д. [18]
>
> ...церковь есть свободное сообщество людей, добровольно объединяющихся, чтобы сообща почитать бога так, как, по их убеждению, будет ему угодно и принесет им спасение души.[19]

Тем самым четко разграничивается забота о материальных богатствах, жизни человека:

> Обеспечивать и полностью сохранять как всему народу в целом, так и каждому гражданину в отдельности обладание относящимися к повседневной жизни вещами есть долг гражданского правителя, опирающегося на законы, равно обязательные для всех...[20]

и забота о спасении души:

> …Никогда в этом обществе [церкви] не идет и не может идти речь о благах гражданских, о владении земными благами...[21]

В сфере же хозяйственной практики и повседневного поведения терпимость и невмешательство являются для Локка само собой разумеющимися:

> Когда речь идет о домашних делах и имуществе или о телесном здоровье, каждому дано право решать, что ему делать в собственных интересах, и выбирать то, что он сочтет наилучшим; никто не жалуется на своего соседа за то, что он плохо распоряжается своим имуществом; никто не сердится на того, кто неправильно засевает поле или неудачно выдает дочь замуж; никто не стыдит пропивающего деньги в кабаках; пусть разрушает и строит, пусть тратит как хочет – никто не скажет ни слова; это позволено.[22]

Однако наряду с рассмотрением толерантности исключительно в рамках англосаксонской либеральной традиции, берущей свое начало в XVII веке (что ограничивает не только географию и исторические рамки, но и сферу применимости концепции), существуют так же попытки «экспорта» и расширения границ толерантности.[23] Так, Кэри Нидерман предлагает рассматривать различные несводимые друг к другу концепции толерантности в духе Витгенштейновского «семейного сходства»:

> Не существует одного-единственного концептуального свойства, которое разделяли бы все теории [толерантности], однако сходства позволяют нам объединить их и противопоставить нетолерантным доктринам (которых тоже существует достаточно много).[24]

Дополнительный аргумент в пользу нашего подхода состоит в том, что религиозные и идеологические разногласия часто переплетены с экономическими практиками и имущественным расслоением.[25]

Сьюзан Мендус определяет «необходимые условия толерантности» следующим образом: во-первых, должно наблюдаться разнообразие; во-вторых, должен наличествовать один из видов антипатии как предпосылка для толерантного отношения/поведения.[26]

Очевидно, что первое необходимое условие выполняется: в современной России есть богатые и бедные, есть различные экономические практики, стили хозяйствования.

Выполнение второго пункта мы можем принять за гипотезу, основанную на «распространенном мнении»:

> ...историческая традиция такова, что православие ассоциируется в массовом сознании с бедностью. Праведность в народном менталитете до сих пор противопоставляется богатству. От трудов праведных не наживешь палат каменных.[27]

Имущественное неравенство является для многих причиной зависти или отчаяния, ставит перед необходимостью делать непростой нравственный выбор – тем самым проблема перестает быть исключительно экономической. Это подчеркивает митр. Кирилл: «если экономические проблемы приносят страдания людям, то они становятся нравственными, духовными, религиозными. ...Нелегкая жизнь нищей учительницы сельской школы, с отчаянием взирающей на «Мерседес» юного жулика, который у нее недавно получал двойки, – это религиозная проблема»[28]. И хотя по результатам опроса ФОМ 2003 года 65% респондентов относятся к богатым «безразлично или даже хорошо»[29], достаточно ознакомиться с материалами газеты «Советская Россия», чтобы понять, что равнодушно к этой проблеме относятся далеко не все.[30] Однако важно различать зависть, неприязнь и антипатию на психологическом уровне и неодобрение и порицание, которые зиждутся на моральном осуждении.

Еще один важный вопрос – кто является (потенциально или фактически) объектом толерантного отношения? Христианская церковь традиционно выступала защитницей

бедных и обездоленных. В современной России обеспеченные люди нуждаются в толерантном отношении подчас не меньше бедных. Российский бизнесмен нередко ощущает недостаток легитимности, отсутствие духовной санкции своего привилегированного положения.[31] Как замечает В. Фальцман, «российские предприниматели, разобщенно работая в неблагоприятной внешней среде, более других слоев населения нуждаются в защите, наставничестве, заступничестве, покаянии, духовном покровительстве».[32]

Осознанно или бессознательно православный предприниматель тяготеет к протестантской модели приравнивания труда к религиозному ритуалу. Так, один из авторов призывает:

> …Церковь должна дать высшую духовную санкцию верующим предпринимателям через признание их деятельности в качестве церковной. Фактически это означает признание непрерывности церковной жизни предпринимателя, ее постоянную реализацию в специфической сфере его служения Богу и людям.
>
> …особенностью православного подхода в этом вопросе могло бы стать определение деятельности предпринимателя как мирской литургии, как сослужения в миру священникам, совершающим литургию в храме. В этом случае предприниматель признается не только деловым, но и духовным руководителем своей фирмы.[33]

Необходимо также различать пассивную и активную формы толерантности. Толерантность – это позиция сильного: либо мы имеем рационально или нравственно обоснованный отказ от применения силы (что не равно просто индифферентному отношению: недеянию предшествует оценка); либо – активное содействие, помощь, заботу (несмотря на то же несогласие). Есть ли сегодня у РПЦ «ресурс влияния» для проявления толернтности?

Отчасти о влиятельности РПЦ говорит численность приверженцев православия. Проблема оценки числа верующих состоит в том, что многие воспринимают религию как элемент культурной идентификации.[34] Поэтому так расходится число тех, кто относит себя к православным и тех, кто соблюдает религиозные обряды. Так, по результатам опросов 2002 года фонда «Общественное мнение» православными считают себя 58% россиян (61% москвичей)[35], по данным ВЦИОМ-А – 57% населения[36]. При этом по данным ФОМ 64% опрошенных *не посещают церковь* вообще или делают это реже одного раза в год; по результатам ВЦИОМ-А 74% *не посещают церковные службы* вообще или делают это реже одного раза в год.

Историческая традиция, статус «главной религии», особые отношения с государством определяют широкие возможности РПЦ. Способность представителей и сторонников Церкви активно отстаивать свою позицию и оказывать давление на общественное мнение продемонстрировал конфликт в феврале 2003 года вокруг открытия в Екатеринбурге клуба «Клон», который был объявлен «содомитским».[37]

При рассмотрении социально-экономического этоса Церкви важно понимать, что концепция толерантности является чуждой для РПЦ (пусть даже иногда кажется, что чуждость эта скорее терминологического, чем идеологического порядка) и может быть «наложена» на проблему только извне.

Как указывалось выше, концепция и практика толерантности тесно связана с либерализмом, который на сегодняшний день рассматривается Православной Церковью как враг №1. Согласно позиции РПЦ, либерализм угрожает национальному своеобразию и экономической независимости России, ведет к секуляризации общества, «несет нравственное раскрепощение греховному человеку, реализует греховный потенциал в человеческой личности»[38]. Так, в одном из официальных документов – «Основных принципах отношения Русской Православной Церкви к инославию» – содержится такой пассаж:

> Недопустимо ограничивать согласие в вере узким кругом необходимых истин, чтобы за их пределами допустить «свободу в сомнительном». Неприемлема сама установка на толерантность к разномыслию в вере.[39]

А вот образец понимания толерантности в екатеринбургской «Православной газете»:

> Звучное словцо «толерантность», не прижившееся в обиходе, но охотно подхваченное СМИ, вроде бы по смыслу равноценно терпимости. Терпимость же – это приятие другой точки зрения, другого поведенческого типа, то есть неотъемлемого права каждого из нас быть иным. Без терпимости жизнь превратилась бы в бесконечную и бессмысленную вражду. Однако любое понятие существует в определенных пределах. За пределами терпимости начинается попустительство, которое взращивает вседозволенность, затем оно незаметно переходит в равнодушие и в конце концов приводит к примирению с грехом.[40]

Итак, при рассмотрении социально-экономического этоса РПЦ в рамках концепции толерантности ключевым является вопрос о нравственной оценке Церковью богатства и бедности.

Социальная позиция Русской православной церкви

Если оглянуться на многовековую историю РПЦ, то необходимо признать, что сегодня она находится в новой для себя ситуации. До 1917 года Церковь была частью государственного аппарата, исполнителем масштабных социальных программ, владела огромными материальными ресурсами. После 1917 года РПЦ обрела независимость, но была почти полностью лишена возможности проявлять социальную активность.

Восточная ветвь христианства традиционно уделяла больше внимания спиритуальной составляющей; общественные и экономические вопросы, повседневность сторона жизни мало разрабатывались в православном богословии. [41] Как пишет Н. Зарубина,

> ...[в православии] мирская деятельность человека не обрела сакрального смысла, осталась вне сферы высшей духовной регуляции. Помимо установок на честность, добросовестность и трудолюбие как универсальные ценности, православие не сформировало специфической хозяйственной и предпринимательской этики. Трудолюбие как добродетель православного, верующего, в том числе монаха, было лишь одним из аскетических средств внешнего самосовершенствования, в то время как суть религиозного спасения составляло все же служение духовное. [42]

Тем более значимым является утверждение 15 августа 2000 года Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви»[43]. В определении Собора говорится, что этот документ отражает «базовые положения ее [Церкви] учения по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем» и являются отражением «официальной позиции Московского Патриархата в сфере взаимоотношений с государством и светским обществом».[44]

Таким образом, впервые за многовековую историю РПЦ сформулировала свою официальную позицию по широкому кругу общественно значимых проблем.

Работа над «Основами» была начата по постановлению Архиерейского Собора РПЦ 1997 года. Перед авторами этого документа стояла сложная задача: ответить на вызовы современности, опираясь на многовековую традицию. Кроме того, необходимо было найти внутрицерковный компромисс, о котором упомянул прот. Вс. Чаплин, секретарь Синодальной рабочей группы по подготовке проекта «Основ»:

> ...в самом начале деятельности группы удалось, хотя и не без трудностей, отстраниться от «уловления в сети» актуальных дискуссий, противопоставляющих социальную экономику рыночной... Высшей же целью выработки церковного отношения к экономическим процессам я бы рискнул назвать синтез «правого» и «левого» направлений, предпринимаемый ради утверждения некоей системы теономных ценностей, которые могут быть до определенной степени реализованы при любой экономической модели, свободно избранной обществом и государством.[45]

Разработчики делали расчет на долгую жизнь документа. Как подчеркнул в своем докладе руководитель группы митр. Кирилл, «цель работы мы видели в том, чтобы подготовить базовый документ, рассчитанный не на год-два, но, по крайней мере, на ближайшие десятилетия.»[46]

Поэтому не удивительно, что формулировки «Основ» достаточно осторожны, в целом нейтральны и тяготеют к обобщениям. «Основы» не стремятся решить злободневные проблемы, но они – что тоже немаловажно – вводят в церковный лексикон такие понятия современности, как прибыль, интеллектуальная собственность, финансовые спекуляции, клонирование, глобализация и др.[47] Тем самым документ создает базис (что и отражает название) богословской социальной мысли для работы над этими проблемами. Принятие «Основ» послужило толчком для разработки социальных концепций российскими мусульманами, иудеями и протестантами.

Основные положения, касающиеся социально-экономических вопросов современности, содержатся в разделах VI – «Труд и его плоды» и VII – «Собственность», а также в пункте 3 раздела XVI – «Международные отношения. Проблемы глобализации и секуляризма» «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви».

В 2002 году под руководством РПЦ прошел VII Всемирный Русский Народный Собор, основная тема которого звучала так: «Вера и труд: духовно-культурные традиции и экономическое будущее России». В 2004 году на итоговом пленарном заседании очередного Собора был принят «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании» [48]. «Свод» – документ более конкретный, хотя и является «благим пожеланием». В нем развиваются многие положения «Основ», в более секулярной (во всяком случае, без цитат из священного писания) и практичной форме. Важно отметить, что текст в основном обращен к предпринимателю, управляющему (хотя есть в нем и пассажи, адресованные государству, наемному работнику.). «Свод» постулирует: «Общество не должно делиться на сверхбогатых и сверхбедных» и еще: «Состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности.»

Следующий логический шаг после формулировки позиции – практические шаги по ее реализации.

Данные социологических опросов показывают, что у РПЦ много сочувствующих, но мало ревностных сторонников. Исследователи констатируют, что рост числа верующих остановился.[49] Иерархи признают, что после притока прихожан в конце 80-х – начале 90-х годов (это время было названо «вторым крещением Руси») мало кто из неофитов по-настоящему прикрепился к Церкви.[50] Для утверждения своей позиции в современном российском обществе у Церкви есть один выход – активно работать в миру, в гуще динамично меняющегося общества, принимать участие в решении актуальных социальных проблем. Внутри Церкви не все разделяют эти взгляды. По сути дела, сегодня в новых условиях разыгрывается старый спор между «стяжателями» и «нестяжателями». Чем должна заниматься Церковь – сосредоточенно молиться, заниматься духовным наставничеством и по преимуществу интеллектуальным трудом, отрешиться от мира с его заботами и противоречиями, не обременять себя материальным? Или вести свое хозяйство, брать деньги с верующих, активно помогать нуждающимся?

В своем докладе на заседании Отделения экономики РАН 4 октября 2001 г. митр. Кирилл уверенно заявил:

> В сложившейся ситуации Церкви есть что предложить народу. Она может и должна сыграть определенную роль в преодолении духовного и нравственного кризиса общества и человеческой личности. Сейчас место Церкви – не только в храме, но и повсюду: прежде всего в больнице, тюрьме, школе, воинской части, доме престарелых, детском приюте. Церковь призвана развивать свою деятельность в самых разных направлениях. Это – образование, благотворительность, просветительство и многое другое. Такая деятельность нужна не священнослужителям, а всему народу.[51]

Однако для масштабных социальных программ Церкви нужны средства. У РПЦ есть два пути: зарабатывать деньги самостоятельно или найти инвестора социальных программ в лице государства. Так возникает еще один серьезный вопрос – о взаимоотношениях Церкви с

государством. С одной стороны, Церковь стремится к максимально тесной интеграции с государством, в том числе – в поисках финансовой стабильности. Церквь уже выражала готовность «освоить» ту часть подоходного налога граждан, которая расходуется государством на социальные программы помощи малоимущим. Как заметил Патриарх Алексий II, «подобная модель, в которой социальное служение Церкви сочетается с государственной заботой о судьбах людей, могла бы открыть новую страницу в успешно складывающемся партнерстве Церкви и государства»[52]. С другой стороны, РПЦ стремится сохранить выстраданную независимость. Хотя Патриарх назвал отношения с государством «близкими к оптимальным»[53], у Церкви остаются серьезные претензии в адрес государства (они касаются вопросов налогообложения, религиозного образования, реституции церковного имущества).

Богатство и бедность

Православная традиция подозрительно относится к материальной стороне жизни: существует опасность, что привязанность к земным благам заслонит главную цель – спасение души. Хотя сами материальные ценности нейтральны, бедность в каком-то смысле «надежнее», поэтому беднякам в православии обычно отдавалось предпочтение.[54]

Какова современная позиция РПЦ? «Основы» не исключают возможности спасения для богатых: «...и богатый может спастись, ибо “невозможное человекам возможно Богу” (Лк. 18. 27). В Священном Писании не содержится порицания богатства как такового» (VII.2.)[*].

Евангельская притча о верблюде и игольных ушах – *Трудно богатому войти в Царство Небесное; ...удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие* (Мф. 19:23-24) – трактуется в «Основах» в «слабом» варианте: трудно, но возможно (VII.2.):

> …Владея значительным имуществом, не согрешает тот, кто использует его согласно с волей Бога, Которому принадлежит все сущее, и с законом любви, ибо радость и полнота жизни – не в приобретении и обладании, но в дарении и жертве. ...Церковь призывает христианина воспринимать собственность как дар Божий, данный для использования во благо себе и ближним.

При этом «Основы» настойчиво предупреждают об опасностях, которые несет с собой обогащение:

> VI.3. Совершенствование орудий и методов труда, его профессиональное разделение и переход от простых его форм к более сложным способствуют улучшению материальных условий жизни человека. Однако обольщение достижениями цивилизации удаляет людей от Творца, ведет к мнимому торжеству рассудка, стремящегося обустроить земную жизнь без Бога.
>
> VII.1. Церковь предостерегает от чрезмерного увлечения материальными благами, осуждая тех, кто обольщается "заботами, богатством и наслаждениями житейскими" (Лк. 8. 14).
>
> VII.2. Материальные блага не могут сделать человека счастливым. …Погоня за богатством пагубно отражается на духовном состоянии человека и способна привести к полной деградации личности.

Примерно в том же ключе трактуется проблема в «Своде нравственных принципов и правил в хозяйствовании»: «Культ богатства и нравственность в человеке несовместимы. ...Стяжание богатства ради богатства заведет в тупик и личность, и дело, и национальную экономику»[55].

Многие авторы иллюстрируют это положение евангельской притчей о богаче, заботящемся о своем урожае: *У одного богатого человека был хороший урожай в поле... И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и всё добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же*

---

[*] Здесь и далее при ссылках на текст «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» вы используем оригинальную рубрикацию.

достанется то, что ты заготовил? Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет (Лк. 12:16-21). Т.е. богатеть можно, но богатеть нужно «в Бога».

Митр. Кирилл, обращаясь к участникам VII Всемирного Русского Народного Собора, осудил зависть к богатым, но при этом сформулировал суровый нравственный идеал: «Все то, что человек производит больше того, что он может потребить, он должен отдать нуждающемуся. И в этом смысле эффективность экономической системы становится религиозно оправданной.»[56] Этим словам вторит «Свод»: «Если человек созидает материальные блага исключительно для себя, своей семьи, своей социальной группы, при этом пренебрегая интересами других, – он преступает нравственный закон и многое теряет в экономическом смысле»[57].

Наиболее важным положением «Основ» в контексте нашей проблемы является, вероятно, следующее: «Имущественное положение человека само по себе не может рассматриваться как свидетельство о том, угоден или неугоден он Богу» (VII.1.). Тем не менее Церковь по-прежнему ассоциирует себя по преимуществу с бедными: «Продолжая на земле служение Христа, Который отождествил Себя именно с обездоленными, Церковь всегда выступает в защиту безгласных и бессильных» (VI.6).

Однако у современных православных авторов можно найти порицание бездеятельной бедности:

> Предложите первому встретившемуся вам нищему, просящему милостыню, вполне посильную для него работу, и вы, почти наверняка, услышите отказ. Он предпочитает весь день стоять с протянутой рукой.[58]

О том же говорится в «Своде»:

> Бедный, растрачивающий свои способности без пользы или употребляющий их только в корыстных целях, не менее безнравственен, чем богатый, который отказывается жертвовать часть дохода на общественные нужды. …Бедность – это испытание, как и богатство. Бедный человек обязан достойно вести себя, стремиться к эффективному труду, повышать свой профессиональный уровень, чтобы выйти из бедственного состояния.

Невыплаты и задержки зарплаты стали настоящим бичем для многих регионов и отраслей экономики России. Откликаясь на злобу дня, «Основы» дают суровую оценку этим фактам: «Церковь учит, что отказ в оплате честного труда является не только преступлением против человека, но и грехом перед Богом» (VI.6.). В «Своде» мы можем найти такой абзац:

> Обкрадывают своих работников и те, кто не платит им достойного жалования, обрекая людей на нищету и озлобление, лишая их радости труда. Определяя размеры вознаграждения за труд и той доли прибыли, которая расходуется на зарплату, должно руководствоваться принципом справедливости, не оглядываясь на стандарты тяжелого прошлого или примеры беднейших стран. Нельзя злоупотреблять отчаянием людей, соглашающихся на низкую зарплату ради хлеба насущного.[59]

Интересно взглянуть на эти положения в свете исторической традиции, о которой говорят различные авторы. Так, Наталья Зарубина указывает на позитивный, хотя и парадоксальный для современности, образ работника, генетически связанный с «духовными основами православной крестьянской России», для которого труд (пусть даже не приносящий плодов, неоплачиваемый) является долгом и средством самоидентификации.[60] Татьяна Коваль упоминает о монашеском идеале безвозмездного труда-дара в православной традиции, на стремление к занижению платы за труд.[61] Один из участников интернет-дискуссии на тему «Благоразумное богатство»[62] считает распространенную практику отказа от заслуженной платы причиной несправедливого распределения богатств в обществе.

Отдельный вопрос – вопрос о собственности, правовом статусе имущества. По определению «Основ», «люди получают все земные блага от Бога, Которому и принадлежит абсолютное право владения ими» (VII.1.), поэтому нет большого смысла различать формы собственности:

> VII.3. Церковь признает существование многообразных форм собственности. Государственная, общественная, корпоративная, частная и смешанные формы собственности в разных странах получили различное укоренение в ходе исторического развития. Церковь не отдает предпочтения ни одной из этих форм. При каждой из них возможны как греховные явления – хищение, стяжательство, несправедливое распределение плодов труда, так и достойное, нравственно оправданное использование материальных благ.[*]

Однако не все разделяют эту позицию. Так, известный православный публицист Николай Сомин, опираясь на святоотеческую традицию, отрицает «нравственную нейтральность» различных форм собственности, считает богатство однозначным злом, а в качестве идеала рассматривает полное нестяжание (добровольную бедность) и братское общение имуществ (христианский коммунизм). [63]

Один из разработчиков «Основ», прот. Всеволод Чаплин, говорит о *полезности* отказа от имущества:

> Церковь не может уклониться от начертания собственного идеала, в испорченном грехом мире полностью нереализуемого, но призванного служить конечной точкой приложения стремлений и, наверное, побуждать к покаянию. Именно в этом смысле стоит рассматривать утверждения Основ социальной концепции об относительности права собственности, о полезности отказа от нее и о том, что первейшей целью труда является не приобретение материальных благ, а служение ближнему и самовоспитание.[64]

Вопрос о соотношении праведности и богатства волнует и «простых людей», особенно – православных, относящихся к экономически активной части населения. Об этом говорят темы на форуме сайта диакона Андрея Кураева: «Отношение Православной церкви к деньгам»[65], «Нищета олигархов. Если ты такой умный, почему такой богатый?»[66], «Закон Божий и проблемы экономики»[67] и др. Участники интернет-дискуссий (заметим, что обычно это образованные городские жители среднего и выше достатка) в целом сходятся в том, что противоречия между богатством (достатком) и праведным поведением нет. Отказ от предпринимательской активности и денег одни рассматривают как слишком легкое, безответственное и в конечном итоге неэффективное решение («...а зачем вообще зарабатывать деньги, к чему-то стремиться, если можно жить и так? Можно, но можно и больше заработав, больше накормить людей, которые сами себя прокормить не могут.»); другие – как слишком непростое для них лично (при этом признают за таким решением статус нравственного идеала). Есть реплики о том, что бизнес – это не столько способ заработать деньги, сколько способ преобразовать мир, реализоваться. Большинство участников дискуссии говорят о том, что своим трудом они кормят семью, родных и близких; рассматривают это обстоятельство как главное оправдание и цель любой работы (реже говорится о том, что надо помогать всем, «вообще»). Участники форумов приводят многочисленные примеры благочестия современных православных предпринимателей, подчеркивают, что их успех напрямую связан с неукоснительным соблюдением христианских заповедей. В одном из постингов присутствует обширная цитата из «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви». При этом многие склонны рассматривать свою трудовую/предпринимательскую деятельность как сугубо «личное дело», которое не связано напрямую с вопросами веры и не требует внешних моральных санкций.

Труд и экономика

Существует различные взгляды на оценку труда и трудовую этику в православной традиции. Так, если Олег Шведов склонен рассматривать труд скорее как страдание, наказание, тяжкую ношу[68], то Татьяна Коваль указывает на общее для всех христианских конфессий позитивное восприятие труда как творчества: «христианское отношение к труду, хозяйству и земным

---

[*] В качестве особой формы собственности «Основы» выделяют имущество религиозных организаций, речь об этом пойдет ниже.

благам основывается прежде всего на признании материального мира благим как благ Сам Бог – Творец видимого и невидимого. ... Признание христианством мира благом и ценностью было основой для развития хозяйственной энергии, реабилитации всякого труда на земле, раскрепощения трудовой инициативы»[69].

По определению «Основ», труд сам по себе нейтрален, положительные или отрицательные качества он приобретает в зависимости от внутренней направленности и целей:

> VI.4. С христианской точки зрения труд сам по себе не является безусловной ценностью. Он становится благословенным, когда являет собой соработничество Господу и способствует исполнению Его замысла о мире и человеке. Однако труд не богоугоден, если он направлен на служение эгоистическим интересам личности или человеческих сообществ, а также на удовлетворение греховных потребностей духа и плоти.

Для Православия важнее не конкретная форма, а внутреннее содержание труда. В отличие от западной Церкви, Православие не создало стройной иерархии профессий и видов деятельности.[70]

Как заметил о. Геннадий Емельянов, «с точки зрения духовной, мы перед Богом все одинаковы, абсолютно все. И те, кто занимает высокие командные должности, и те, кто метет двор метлой»[71]. Этот подход закрепляют «Основы»:

> VI.5. Церковь благословляет всякий труд, направленный ко благу людей; при этом не отдается предпочтения никакому из видов человеческой деятельности, если таковая соответствует христианским нравственным нормам.

«Основы» делают исключения лишь для некоторых видов деятельности:

> VI.5. ...современность породила развитие целой индустрии, специально направленной на пропаганду порока и греха, удовлетворение пагубных страстей и привычек, таких, как пьянство, наркомания, блуд и прелюбодеяние. Церковь свидетельствует о греховности участия в такой деятельности, поскольку она развращает не только трудящегося, но и общество в целом.
>
> XVI.3. Церковь не может не беспокоить и практика финансовых спекуляций, стирающая зависимость доходов от затраченного труда. …В целом подобные изменения в экономике приводят к утрате приоритета труда и человека над капиталом и средствами производства.

Некоторое предпочтение все же отдается производительному труду: купля-продажа, простое «делание денег» вызывают подозрение. Так, о. Петр Исаков расценивает ростовщичество (и его современную форму – банковскую деятельность) как недостойное занятие.[72]

Вопрос о том, приличествует ли православному играть на бирже, стал темой бурной дискуссии на интернет-форуме.[73] Сомнения вызвало то, что торговля на бирже напоминает ростовщичество, в ней отсутствует созидательное начало и продукт труда как таковой. Одни участники дискуссии были достаточно ригористичны. По мнению других, важна не сама деятельность, а то, как человек распоряжается прибылью: «Капиталист, получив прибыль, не должен заботиться об увеличении числа шикарных машин и особняков, а должен заботиться о преумножении своего капитала и благотворительствовать. Умные буржуины сегодня так и делают во всем мире. А не очень умных учит само государство, собирая с них налог на имущество.» Еще одна позиция: надо исходить из сегодняшних реалий, необходимости обеспечить себе и близким достойное существование. Наконец, некоторые предлагают рассматривать игру на бирже как содействие экономике страны. И, опять же, бездеятельность и отказ от ответственности представляется слишком простым выходом: «Сел на паперти, и ни за что не отвечаешь. Ни за близких, которые не могут себя обеспечить. Ни за себя. Знай, живи батюшкиным умом...»

В официальных документах Церковь не отдает предпочтения какой-нибудь форме собственности или государственного устройства, не предлагает никаких макроэкономических моделей. Указывается только, что экономика должна быть

эффективной и социально-ориентированной, основанной на справедливом распределении материальных благ, взаимопомощи и благотворительности.

Часто в качестве образца приводится монастырское хозяйство:

> VII.3. В истории христианства объединение имущества и отказ от личных собственнических устремлений были характерны для многих общин. Такой характер имущественных отношений способствовал укреплению духовного единства верующих и во многих случаях был экономически эффективным, примером чему могут служить православные монастыри.

Многие авторы указывают на то, что православная христианская этика должна (и может) послужить основой современных экономических отношений:

> В России, где большинство верующих людей являются православными христианами наступает время, когда они, опираясь на христианские принципы хозяйствования, на национальные традиции и авторитет Русской Православной церкви, должны сыграть свою историческую роль в деле нравственного оздоровления экономики.[74]

Один из авторов предлагает разработать концепцию «христианской экономии», которую определяет как «научно-богословскую дисциплину, лежащую на стыке богословия и экономики, опирающуюся на Священное Писание Ветхого и Нового Завета, труды Отцов церкви, произведения экономистов, признающих нравственно-этический подход в экономике, живой опыт церковного хозяйствования, модели социально ответственного государственного регулирования и частного предпринимательства» и говорит о том, что «христианская экономия в России не только возможна, но и необходима и даже неизбежна».[75]

В ситуации переходной экономики и «идеологического вакуума» подчас рождаются причудливые прожекты. Так, Михаил Гельвановский выступает за возрождение народного хозяйства по советскому образцу с одной существенной поправкой: новая экономика должна опираться на христианскую мораль и идеологию. В таком союзе автор не видит противоречия – по его мнению, принципы социальной справедливости советского общества были по сути христианскими.[76]

Однако на сегодняшний день вряд ли можно найти сколько-нибудь полные экономические концепции и теории, которые исходили бы от Церкви. Основные аргументы в пользу эффективности «православной экономики» – исторические аналогии: экономическое положение России в начале XX века, а также примеры хозяйствования русского купечества:

> Что же касается нашей страны, то хорошо известно: в начале XX века она была одним из наиболее динамично развивающихся государств мира. И православная вера, являвшаяся стержнем жизни русского купечества, вовсе не мешала развитию и проявлению в этом достойном сословии качеств, необходимых для успешной деятельности на рынке, в том числе и международном.[77]

Эти аргументы не бесспорны: среди историков и экономистов нет однозначной оценки этого периода экономического развития страны; а в одной из статей вскрываются противоречивые «механизмы» благотворительности русских купцов.[78]

Участники интернет-дискуссии «Православие – новая основа экономики России XXI века?»[79] также задаются вопросом, насколько универальна капиталистическая модель хозяйствования, не угрожает ли она самобытности и независимости России. Однако, никто не может дать определенного ответа на вопрос, что такое «подлинно православный экономический подход».

Церковь как экономический субъект: проблема рефлексии

Как мы отметили выше, отношение РПЦ к экономическим проблемам – это в том числе и рефелксия. Церковь – достаточно крупный экономический субьект с разветвленной структурой. По некоторым оценкам, годовой оборот РПЦ составляет ок. 500 млн. долларов.[80] Источники и форма доходов РПЦ различны. В экономической деятельности Церкви

довольно сложно разобраться: «закрытость данного вопроса может быть сравнима разве что с секретными разработками времен социализма»[81]. Однако доходы церкви не складываются только из добровольных пожертвований, треб, продаж свечей, крестов и литературы. Церкви приходится заниматься «непрофильной» коммерческой деятельностью:

> Церковные структуры могут заниматься хозяйственно-экономической деятельностью опосредствованно, через создаваемые ими или при их участии социально ориентированные производства. Однако целью такой деятельности является не стяжание или умножение прибыли как таковые, а вполне конкретная задача поддержания экономической независимости и, следовательно, морального самостояния Церкви в нынешних условиях рыночной экономики, финансирования общецерковных учреждений и программ социального служения Церкви.[82]

Поэтому финансовая сторона деятельности Церкви лишь отчасти соответствует идиллически-аскетичной картине «церковной экономики», которую рисует известный православный публицист диакон Андрей Кураев.[83] Экономическая стороны жизни Церкви не может не заботить прихожан. Участники интернет-форума[84] говорят о том, «что церковь уже давно стала коммерческой орагнизацией»[85], не могут не замечать двойной морали некоторых служителей, поэтому, например, советуют тщательно выбирать приход.

Насколько отношение к собственной экономической деятельности представлено в хозяйственной этике РПЦ?

Налоги – тема, которая особенно часто затрагивается во внутрицерковной дискуссии и в диалоге Церкви с государством. Сегодня РПЦ пользуется целым рядом налоговых льгот.[86] Принятие в октябре 2003 года Государственной Думой РФ дополнения к Налоговому кодексу, касающегося налогов на имущество организаций, а также другие попытки государства контролировать финансовую сторону деятельности РПЦ и взимать с нее налоги, вызывают резкий протест и негодование представителей Церкви.[87]

В «Основах» РПЦ специально указывает на то, что ее имущество обладает особым статусом, а потому – не подлежит налогообложению:

> VII.4. Особую форму собственности представляет имущество религиозных организаций. Она приобретается различными путями, однако основным компонентом ее формирования является добровольная жертва верующих людей. Согласно Священному Писанию, жертва является святой, то есть в прямом смысле принадлежащей Господу; жертвователь подает Богу, а не священнику (Лев. 27. 30, Ездр. 8. 28). Жертва – это добровольный акт, совершаемый верующими в религиозных целях (Неем. 10. 32). Жертва призвана поддерживать не только служителей Церкви, но и весь народ Божий (Флп. 4. 14-18). Жертва, как посвященная Богу, неприкосновенна, а всякий похищающий ее должен возвратить больше, чем похитил (Лев. 5. 14-15). Пожертвование стоит в ряду основных заповедей, данных человеку Богом (Сирах. 7. 30-34). Таким образом, пожертвования являются особым случаем экономических и социальных отношений, а потому на них не должны автоматически распространяться законы, регулирующие финансы и экономику государства, в частности, государственное налогообложение. Церковь заявляет, что если тот или иной ее доход носит предпринимательский характер, то он может быть облагаем налогами, но любые посягательства на пожертвования верующих являются преступлением перед людьми и Богом.

И если «Основы» делают оговорку о предпринимательской деятелности, то, например, Олег Шведов говорит об недопустимости обложения налогом любого дохода Церкви (как своеобразного «прироста» жертвы).[88]

Позиция Церкви по вопросам налогообложения отражается в советах пастве на эту тему. Например, о. Петр Исаков, исходя из евангельского *Итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мф. 22:21), все же допускает известные отступления: «мы должны платить налоги в установленном правительством размере, но отнюдь не лишнее, и в тех случаях, когда налоговая инспекция или полиция ведут себя бесчеловечно, имеем право от их действий и от уплаты налогов уклоняться.»[89]

О. Дмитрий Свердлов оправдывает ситуацию, когда сокрытый то налогообложения доход тратится «адресно» на добрые дела. «Такой налогоплательщик выполняет функции социального служения вместо потерявшего всякий кредит доверия “кесаря”. Если положить

на чаши весов возможность осуществления конкретной помощи конкретным людям, с одной стороны, и чудовищную неконтролируемость госфинансов, совмещенную с катастрофическим казнокрадством, с другой, первая чаша не то, что перевесит, просто упадет с грохотом на пол.»[90]

Официальный «Свод» более строг в этом вопросе:

> Предприниматель должен помнить, что неуплата налогов, положенных по закону, - это хищение у сирот, стариков, инвалидов, других самых незащищенных людей. Передача в виде налогов части своего дохода на нужды общества должна превратиться из тягостной обязанности, исполняемой подневольно, а иногда и вовсе не исполняемой, в почетное дело, достойное благодарности общества.

Хотя и здесь есть пожелание, адресованное государству:

> Необременительные налоги – одна из основ эффективного и нравственного хозяйствования, при котором граждане могут без излишних тягот оплачивать государственные расходы.

Еще один животрепещущий вопрос – реституция церковной собственности, национализированной после 1917 года.[91]

Статьи 1994 года[92] рисуют прекраснодушную картину возвращения церковного имущества, щедрых государственных инвестиций, создания некоммерческих банков и высокоэффективных общинных хозяйств. Иерархи Церкви говорят о возвращении имущества более осторожно («Церковь, заботясь о гражданском мире, воздерживается от требования полной реституции собственности»[93]), однако и сегодня можно встретить резкие заявления:

> Доколе государство не возвратит церкви все оставшееся от поругания церковное имущество, до тех пор оно будет нести на совести своих адептов груз проклятия, посылаемый на них отошедшими в мир иной жертвователями.[94]

Знакомые с экономической практикой участники дискуссии «Закон Божий и проблемы экономики»[95] замечают, что сегодня у Церкви просто не хватит управляющих, если она получит в свое распоряжение большие материальные ресурсы. Управленческая и финансовая структура РПЦ базируется на принципах архаичного «вотчинного» уклада, а потому крайне неэффективна в современных условиях.[96] Это приводит к тому, что церковная коммерция зачастую сводится к получению ренты с предоставляемых ей льгот.[97]

Заключение

Церквь в своих официальных документах последовательно утверждают свою нейтральность по отношению к целому ряду экономических вопросов: богатству и бедности, формам собственности, труду как таковым. Церковь призывает сосредоточиться на духовной, нравственной стороне этих явлений, тем самым демонстрируя верность своим традициям. Вместе с тем можно констатировать, что официальная позиция РПЦ по многим социально-экономическим вопросам стала в последнее время более гибкой, менее ригористичной. Богатство не рассматривается как принципиальная помеха для спасения, а бездеятельная бедность порицается. Эту минимальную «либерализацию» взглядов можно считать реакцией на новые социально-экономические условия, в которых приходится действовать Церкви сегодня.

Нравственная нейтральность богатства и бедности, декларируемая Церковью, не позволяет говорить о ситуации толерантности в строгом смысле. Однако можно рассматривать ее как ситуацию «пограничной толерантности»: богатство не отождествляется с пороком, но находится с ним в непосредственном контакте, является «зоной повышенного нравственного риска». Кроме того, среди иерархов Церкви есть достаточно сторонников более консервативных взглядов. Анализ литературы также не позволяет говорить о том, что РПЦ использует свое влияние против богатых «вообще» (что, впрочем, не исключает защиту собственных интересов и выступления против *конкретных* богатых людей). Вместе с тем

Церковь не выделяет обеспеченных людей, предпринимателей из общей массы прихожан и не занимает по отношению к ним активной позиции с точки зрения духовного наставничества. С некоторыми ограничениями можно говорить о пассивной толерантности РПЦ по отношению к богатым (и установке на активную позицию по отношению к бедным).

РПЦ признает проблему имущественного расслоения актуальной. Пути справедливого распределения материальных благ Церковь видит в благотворительности, взаимопомощи, добровольном отказе от богатства. Церковь настойчиво повторяет о необходимости внедрения христианских ценностей, христианских методов хозяйствования в экономическую практику. При этом фактически нет разработок, касающихся экономической стороны и практических механизмов осуществления этих планов. Вместе с тем, молодой российский капитализм вряд ли потерпит какое-либо вмешательство или регламентацию со стороны религиозных деятелей. Можно предположить, что российский предприниматель нуждается скорее в *духовной* легитимации своей деятельности и своего статуса.

Все это говорит о том, что появившиеся в последнее время документы, касающиеся позиции РПЦ по социально-экономическим вопросам, вряд ли будут иметь непосредственное влияние на общество и экономику.[98] «Основы» и сопутствующие документы в первую очередь нужны самой Церкви. Эти документы артикулируют социальную позицию Церкви и дают ей шанс обновиться. Обновление должно касаться в том числе и экономической деятельности Церкви. Снятие противоречия между коммерческой деятельностью и духовным служением позволит сделать церковную экономику более открытой, прозрачной, повысить ее эффективность и избавиться от двойной морали в коммерческих предприятиях. Тем самым у Церкви появится возможность на практике доказать преимущества «христианской модели хозяйствования», оказать духовную поддержку православным предпринимателям, сохранить подлинную независимость от государства, способствовать оздоровлению отечественной экономики в целом.

---

[1] О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в III квартале 2003 года /Госкомстат РФ. – Электрон. дан. – http://www.gks.ru/scripts/free/1c.exe?XXXX03F.3.4.1/020290R

[2] Мало денег – много денег/Фонд «Общественное мнение» – Электрон. дан. – http://bd.fom.ru/report/cat/humdrum/income/tb033107

[3] Динамика бедности в России/ВЦИОМ-А – Электрон. дан. – http://www.vciom-a.ru/dynamicabed.print.html

[4] http://bmw.carclub.ru

[5] http://www.daimlerchrysler.ru

[6] http://www.toyota.ru

[7] Для сравнения: в 2003 году в Мексике и Канаде было продано 17000 автомобилей Mercedes Car Group (см. http://www.daimlerchrysler.com/Projects/c2c/channel/documents/215236_20f_fy2003.pdf).

[8] См., например: Гзгзян Д. Православная социальная этика и идеология реформ. – Электрон. дан. – http://religion.russ.ru/problems/20020410-gzgzyan-pr.html

[9] В книжной лавке Екатеринбургской епархии мне с трудом удалось отыскать два издания, посвященных актуальным социальным и экономическим вопросам. Просмотр сборников современных проповедников не дал дополнительных результатов.

[10] Как заметил Константин Костюк, «возникновение социальной доктрины церкви можно рассматривать как революционный шаг в истории восточной церкви. Этим шагом церковь обязана великолепному политическому чутью и последовательной стратегической линии, которую преследует возглавляющий Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Кирилл (Гундяев).» (Костюк К. Социальная доктрина как вызов традиции и современности РПЦ. Доклад на конференции "Начало новой эры? – Социальная доктрина Русской Православной Церкви августа 2000 г." (Мюльхайм, Германия, 19-20 февраля 2003 г.) – Электрон. дан. – http://www.religare.ru/print2169.htm) О личности и эволюции воззрений митр. Кирилла см. статью того же автора: Костюк К. Три портрета. Социально-этические воззрения в Русской Православной Церкви конца XX века //Континент. – 2002. – № 113.

[11] Сам Вебер указывал на то, что нельзя универсализировать этот тезис: «хозяйственная этика – не функция форм хозяйственной организации, так же, как она не может сама по себе однозначно их создавать» (Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Вебер М. Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. – С. 43.).

[12] Вебер М. Протестанская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 187.

[13] Там же. – С. 79.
[14] Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии// Собр. соч.. Изд. 2-е. Т. 21. – М.: Гос. Изд. полит. литер., 1955. – С. 315-316. Позже, однако, Ф. Энгельс остерегал от черезчур прямолинейной интерпретации связей между идеями и материальными причинами, допуская взаимные двунаправленные влияния. См., например его письма Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г. (Собр. соч., т. 37, с. 420) и Францу Мерингу от 14 июля 1893 (Собр. соч., т. 39, с. 82-84).
[15] Перцев А. Джон Локк: портрет толерантного человека на интеллектуальном фоне эпохи //«Послание о веротерпимости» Джона Локка: точки зрения. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2002. – С. 158.
[16] Mendus S. Toleration and the Limits of Liberalism. – London: Macmillan, 1989. – P. 1.
[17] Хомяков М. Толерантность, либерализм, скептицизм // Толерантность: Вестник Уральского межрегинального института общественных наук. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 103.
[18] Локк Дж. Послание о веротерпимости //«Послание о веротерпимости» Джона Локка: точки зрения. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2002. – С. 32-33.
[19] Там же. – С. 35.
[20] Там же. – С. 33.
[21] Там же. – С. 38.
[22] Там же. – С. 43.
[23] Подробнее о различных подходах см.: Хомяков М. «Послание о веротерпимости» Локка и дискуссия с Простом//«Послание о веротерпимости» Джона Локка: точки зрения. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2002. – С. 5-28.
[24] Nederman C. J. Toleration in a New Key: Historical and Global Perspectives //Неопубликованные материалы конференции «Толерантность в контексте актуальных проблем современной социальной теории и практики», Екатеринбург, 2002.
[25] С. Мендус в начале своей книги в качестве примеров расовой интолерантности приводит беспорядки в британском Брикстоне в 1981 году и вспышки насилия в американских городах в 60-х гг. XX века («Доклад Кернера», 1968). В обоих случаях чернокожие повстанцы связывали свое плохое экономическое и социальное положение с расовой дискриминацией (Mendus S. Op. cit. – P. 2).
Еще один пример смешения расовых и экономических факторов нетолерантного поведения – майские события 1998 года в Индонезии. Тогда, после азиатского экономического кризиса, поиски виновных вылились в массовые беспорядки, инициаторами которых стали мусульманские экстремисты, а жертвами – китайские торговцы и бизнесмены. Структура индонезийского общества сложилась в период трехвекового колониального владычества Нидерландов. Этнические китайцы составляют в нем экономически активную и – соответственно – более благополучную часть. При этом они практически исключены из политической жизни страны. Традиционная религия коренного населения Индонезии – ислам. (Благодарим Дейзи Симанджунтак за пример.)
[26] Mendus S. Op. cit. – P. 8-9.
[27] Перцев А. Цит. соч. – С. 147.
[28] Митр. Кирилл. Русская Православная церковь в современной России: служение обществу, трудности возрождения//Вопросы экономики. – 2002. – №1. – С. 23-24.
[29] Мало денег – много денег. Цит. ист.
[30] См., например, материал, в котором активно используется христианская риторика: «Возлюбят ли ограбленные своих грабителей? Экономист и писатель Михаил Антонов в беседе с Виктором Кожемяко» (Советская Россия. – 2003. – № 46 (12389)). Характерно и то, что беспорядки после футбольного матча между командами России и Японии 9 июня 2002 года многие интерпретировали именно как выплеск злобы жителей нищих окраин против богатого центра.
[31] Воспользоваться традиционным обоснованием – благородством происхождения – в большинстве случаев затруднительно. Именно этим можно объяснить появление опереточных «дворянских собраний» и «балов», другие многочисленные попытки символического оформления горизонтальной стратификации российского общества. Внутреннюю непрочность положения богача, подчас – его собственное желание вернуться в лоно «общины» хорошо иллюстрирует, например, фильм А. Кончаловского «Курочка Ряба».
[32] Фальцман В. Российское предпринимательство с позиций христианской морали // Вопросы экономики. – 2000. – №8. – С. 48.
[33] Кандалинцев В.Г. Системное понимание экономики на основе христианских ценностей// Материалы интернет-конференции «Христианские начала экономической этики» – Электрон. дан. – http://www.sobor.ru/doctrina/1Kandalinstsev_ru.asp
[34] К тому же вопрос о конфессиональной принадлежности не был включен в вопросник Российской переписи населения 2002 года (по одной версии – в продолжение атеистической политики советского государства, по другой – под давлением РПЦ, опасающейся плохих для нее результатов).
[35] Религиозность и воцерковленность/Фонд «Общественное мнение» – Электрон. дан. – http://bd.fom.ru/report/cat/man/religion/tb023309
[36] Религия и церковь/ВЦИОМ-А – Электрон. дан. – http://www.vciom-a.ru/community.print.html
[37] См. материалы «Православной газеты» Екатеринбургской епархии за февраль-март 2003 года.

[38] Митр. Кирилл. Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь? – М.: Диниловский благовестник, 2002. – С. 44.
[39] Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию. – Электрон. дан. – http://www.mospat.ru/print/principles/id/66.html
[40] Косовская Л. Толерантность или попрание ценностей? //Православная газета. – 2003. – №10 (235); см. также открытое обращение Совета общественной организации «Православное студенческое братство во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия» к ректору УрГУ по поводу конгресса «Толерантность и ненасилие в современной цивилизации» (Православная газета. – 2002. – №33 (210)).
[41] См. Зарубина Н. Благочестие и предпринимательство // НГ-Религии. – 2001. – 11 апр.
[42] Зарубина Н. Российское предпринимательство: идеи и люди //Вопросы экономики. – 1995. – № 7. – С. 84.
[43] Основы социальной концепции Русской православной церкви / Служба коммуникации ОВЦС МП. – Электрон. дан. – http://www.orthodox.org.ru/sd00r.htm
[44] Определение об «Основах социальной концепции Русской православной церкви». – Электрон. дан. – http://www.orthodox.org.ru/s2000r19.htm
[45] Прот. Всеволод Чаплин Православие и экономика: начало поиска модели отношений// Материалы интернет-конференции «Христианские начала экономической этики» – Электрон. дан. – http://www.sobor.ru/doctrina/1Chaplin_ru.asp
[46] Об «Основах социальной концепции Русской православной церкви». Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата на юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви. – Электрон. дан. – http://www.orthodox.org.ru/s2000r01.htm
[47] «Вместе с доктриной в церковном сознании возник такой феномен, как современный мир.» (Костюк К. Социальная доктрина как вызов традиции и современности РПЦ. Цит. соч.)
[48] Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании. Принято на итоговом пленарном заседании VIII Всемирного Русского Народного Собора – Электрон. дан. – http://www.mospat.ru/text/news/id/6353.html
[49] Мчедлов М. Вера России в зеркале статистики. Население нашей страны о XX веке и о своих надеждах на век грядущий //НГ-Религии. – 2000. – 17 мая.
[50] Митр. Кирилл. Вызовы современной цивилизации. – Цит. соч. – С. 86.
[51] Митр. Кирилл. Русская Православная церковь в современной России... Цит. соч. – С. 24.
[52] Отношения Церкви и государства близки к оптимальным. Интервью Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II// Коммерсантъ. – 2004. – №1(2840).
[53] Там же.
[54] Коваль Т. Христианская этика труда в сравнительной перспективе// Материалы интернет-конференции «Христианские начала экономической этики». – Электрон. дан. – http://www.sobor.ru/doctrina/11Koval_ru.asp
[55] Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании. Цит. соч.
[56] Вера и труд. Из доклада митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на VII Всемирном Русском Народном Соборе. – Электрон. дан. – http://www.rusedina.org/print/?id=1835
[57] Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании. Цит соч.
[58] о. Геннадий Емельянов О труде и страсти стяжания. – СПб.: Благовещение, 2001. – С. 4.
[59] Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании. Цит. соч.
[60] Зарубина Н. Кто будет работать в России? – Электрон. дан. – http://www.moskvam.ru/2003/04/zarubina.htm
[61] Коваль Т. Христианская этика труда на Востоке и Западе и проблема неоднородности социально-экономической трансформации //Новое поколение. – 1997. – №1. – Т. 2.
[62] http://www.kuraev.ru/forum/view.php?subj=20431
[63] Сомин Н.В. Право собственности в оценке святых отцов// Материалы интернет-конференции «Христианские начала экономической этики». – Электрон. дан. – http://www.sobor.ru/doctrina/1Somin_ru.asp
[64] Чаплин Вс. Цит. соч.
[65] http://www.kuraev.ru/forum/view.php?subj=25242
[66] http://www.kuraev.ru/forum/view.php?subj=18860
[67] http://www.kuraev.ru/forum/view.php?subj=16477
[68] Шведов О.В. Священное Писание о труде (православная этика труда) // Материалы интернет-конференции «Христианские начала экономической этики» – http://www.sobor.ru/doctrina/2Shvedov_ru.asp
[69] Коваль Т. Христианская этика труда на Востоке и Западе... Цит. соч.
[70] Там же.
[71] о. Геннадий Емельянов. Цит. соч. – С. 8.
[72] о. Петр Исаков Домостроительство и любостяжание. Экономические аспекты деятельности Церкви// Материалы интернет-конференции «Христианские начала экономической этики» – Электрон. дан. – http://www.sobor.ru/doctrina/14Isakov_ru.asp
[73] Торговля на фондовой бирже. Приличествует ли? – Электрон. дан. – http://www.kuraev.ru/forum/view.php?subj=21161

[74] Афанасьев Э.В. Об использовании принципов христианской хозяйственной этики в современной России // Материалы интернет-конференции «Христианские начала экономической этики». – Электрон. дан. – http://www.sobor.ru/doctrina/4Afanasiev_ru.asp
[75] Глаголев А.И. Христианская экономия как парадигма хозяйственного развития России и Европы в 3-ем тысячелетии// Материалы интернет-конференции «Христианские начала экономической этики». – Электрон. дан. – http://www.sobor.ru/doctrina/5Glagolev_ru.asp
[76] Гельвановский М.И. Возможна ли христианская экономика? // Материалы интернет-конференции «Христианские начала экономической этики». – Электрон. дан. – http://www.sobor.ru/doctrina/12Gelvanovsky_ru.asp
[77] http://www.mospat.ru/questions/questions/id/4017.html
[78] Зарубина Н. Благочестие и предпринимательство. Цит. соч.
[79] http://www.kuraev.ru/forum/view.php?subj=17794
[80] Митрохин Н. Экономика Русской Православной Церкви // Отечественные записки. – 2001. – № 1. – С. 144-155.
[81] Константинов Н. Деньги церкви и попытка их посчитать. Бизнес никогда не станет легитимной частью жизни Московской Патриархии//НГ-Религии. – 2000. – №3 (133).
[82] Отношения Церкви и государства близки к оптимальным. Цит. соч.
[83] Кураев А. Откуда у церкви деньги? – Электрон. дан. – http://www.kuraev.ru/dengi.html
[84] http://www.kuraev.ru/forum/view.php?subj=25242
[85] «Везде ценники», – заметила одна участница.
[86] Подробный перечень см.: Митрохин Н. Цит. соч.
[87] Согласно закону, который вступил в силу 1 января 2004 года, от налогообложения освобождается только то имущество религиозных организаций, которое используется ими в религиозных целях. О реакции РПЦ см., например: Налоговое искушение. Первый заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата архиепископ Калужский и Боровский Климент ответил на вопросы обозревателя газеты «Труд» //Труд. – 2003. – 28 окт.
[88] Шведов О.В. Природа происхождения церковного имущества// Материалы интернет-конференции «Христианские начала экономической этики». – Электрон. дан. – http://www.sobor.ru/doctrina/14Shvedov_ru.asp
[89] о. Исаков П. Православное отношение к налогам // Материалы интернет-конференции «Христианские начала экономической этики». – Электрон. дан. – http://www.sobor.ru/doctrina/15Isakov_ru.asp
[90] о. Дмитрий Свердлов О налогах. // Материалы интернет-конференции «Христианские начала экономической этики». – Электрон. дан. – http://www.sobor.ru/doctrina/15Sverdlov_ru.asp
[91] Кажется неслучайным, что Архиерейский Собор 2000 года, утвердивший «Основы», канонизировал митрополита Арсения Мацеевича (1696-1772), выступавшего против конфискации монастырских земель при Екатерине II. Арсений Мацеевич был осужден в 1762 году, расстрижен и заключен в ревельский каземат.
[92] Глаголев А. Возрождение церковного хозяйства в России//Вопросы экономики. – 1994. – №9. – С. 113-122; Шведов О. Возвращение религиозным объединениям конфискованных земель (в свете советского и российского законодательства о свободе совести и вероисповедания) //Вопросы экономики. – 1994. – №9. – С. 123-131.
[93] Митр. Кирилл Русская Православная Церковь... Цит. соч. С. 31.
[94] Шведов О.В. Природа происхождения церковного имущества. Цит. соч.
[95] http://www.kuraev.ru/forum/view.php?subj=16477
[96] Митрохин Н. Цит. соч.
[97] См.: Костюк К.Н. Почему у Церкви нет денег? // Материалы интернет-конференции «Христианские начала экономической этики». – Электрон. дан. – http://www.sobor.ru/doctrina/15Kostuk_ru.asp
[98] Социальная доктрина РПЦ «берет общество и власть как факт, а не как сущность». (Костюк К. Социальная доктрина как вызов традиции и современности РПЦ. Цит. соч.)